

Герлах

**В сибирских лагерях
Воспоминания немецкого
пленного 1945-1946**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г37

Г37 **Герлах**
В сибирских лагерях Воспоминания немецкого пленного 1945-1946 /
Герлах – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Тре-
бованию», 2022. – 235 с.

ISBN 978-5-519-73217-8

В своей книге Хорст Герлах рассказывает, как он шестнадцатилетним юношей был взят в плен в конце Второй мировой войны советскими солдатами и отправлен в Сибирь. Герлах вспоминает о лагерной жизни, тяжелых работах на строительстве железной дороги, на торфяниках и в каменоломне, о переводах из одного лагеря в другой.

ISBN 978-5-519-73217-8

© Lennex Corp, 2022
© Герлах, 2022

ББК 63.3(0)63
Г37

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Герлах Хорст
Г37 В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого
пленного. 1945—1946 гг. / Пер. с англ. Н.В. Гасановой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 238 с. —
(За линией фронта. Мемуары).

ISBN 5-9524-2345-0

В своей книге Хорст Герлах рассказывает, как он шестнадцатилетним юношей был взят в плен в конце Второй мировой войны советскими солдатами и отправлен в Сибирь. Герлах вспоминает о лагерной жизни, тяжелых работах на строительстве железной дороги, на торфяниках и в каменоломне, о переводах из одного лагеря в другой. Автор делится впечатлениями, оставшимися у него от России, и пишет о непростом послевоенном времени в разделенной Германии.

ББК 63.3(0)63

ISBN 5-9524-2345-0

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2007
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2007

Глава 1

БЕЗВЫХОДНОСТЬ

Это не что иное, как настоящий кошмар; он заполнил собой все. Я чувствую за своей спиной дыхание смерти, сопровождаемое аккомпанементом безнадежных звуков.

Щелк-шелк-шелк; еще щелчок, еще и еще. Я сплю или все это происходит наяву? Холодный пот прошибает меня, возвращая в действительность. И снова я в обшарпанном кузове грузовика, который, грубо встряхивая, уносит меня куда-то в бездонную глубь России.

Я натягиваю на себя тонкое покрывало, которое, к счастью, имеется здесь, и пытаюсь заснуть. Но тщетно. Все конечности, все тело ломит от постоянного лежания или сидения в одной позе в течение всей поездки. Принять другое положение невозможно; слишком мало места.

Не пытаясь устроиться поудобнее, я хочу провалиться в глубокий сон, который поможет мне забыться на какое-то время. Но даже в состоянии полудремы не всегда получается расслабиться, потому что в это время приходят тревожные сны. Мой мозг не способен адаптироваться к тому хаосу, который в настоящий момент окружает меня. В основном события, происходящие во сне, отражают реальность. Я вновь переживаю ужас последних недель; страх засел у меня в подсознании, глубоко укоренившись в нем.

Лежа в сгущающихся сумерках, я вспоминаю события последних дней войны. Проигранной войны и моей погибшей страны.

Я вижу все так отчетливо, будто это было только вчера. Даже теперь, спустя много лет, воспоминания еще свежи. Воспоминания о пережитой трагедии до сих пор порою мучают меня.

РАННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

С момента моего рождения, 5 февраля 1929 года, мой мир вращался вокруг нашей фермы и школы. Наша семья, а также помощники по хозяйству жили на ферме, располагавшейся возле деревни под названием Ноендорф-Хох, жители которой также занимались фермерством. Мой отец был довольно преуспевающим фермером, имевшим двести акров земли.

Во времена моего детства политики довели нашу страну до всем известной ситуации. Немецкий народ был полностью подвластен одному-единственному человеку в стране, нашему «мессии». Он за эти годы прошел путь от капрала до канцлера Третьего рейха.

Тогда то, что я вступил в гитлерюгенд, как и все остальные немецкие дети, было абсолютно естественным. Иногда нам немного наскучивали занятия по подготовке к дальнейшей военной службе. В свободное время мы, как все мальчишки, играли в безобидные игры, а вот нападать и держать оружие в руках было обязательной частью нашей школьной программы.

Я рос, но меня никак не впечатляла важность работы, которую я призван был выполнять. Мы вместе с остальными юношами послушно, как губка, впитывали в себя всю грязь, в какой-то мере до сих пор ощущая себя детьми, играющими в солдатиков. Единственное, что омрачало нашу жизнь, был дискомфорт, который мы вынуждены были терпеть, месяцами живя в палатках. Мыться приходилось в реке, а столом служила голая земля, и мы все время жаловались на неудобства.

Мы рано освоили военную дисциплину. «Равняйся! Смирно!» Эти команды даже и сейчас отчетливо звучат у меня в голове. Они пронеслись сквозь наш строй, стоявший под жарким августовским солнцем. И мы стояли вытянувшись по струнке, смотря перед собой, словно вглядываясь в будущее. Шел 1944 год.

Трудоемкая работа, заключающаяся в копании траншей, была чуть ли не основной нашей деятельностью в период от четырнадцати до семнадцати лет. Это считалось уроком на выносливость — чтобы сделать из нас настоящих мужчин.

Победа, несомненно, должна была быть за нами. Вера в непобедимость немецкого народа являлась неотъемлемой частью нашей жизни. Тот факт, что русские перешли границу на востоке нашей страны, нисколько не тревожил нас. Как и первые распространившиеся слухи о близком конце.

ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ

Тот год ознаменовался началом крупных наступлений врага. Не помня себя от усталости, мы работали как проклятые много недель подряд, пока лето не подошло к концу. С приходом октября стало холодать. Мы мерзли, и рыть окопы становилось все сложнее; мы копали, а массы песка соскальзывали вниз, затрудняя работу. В конце концов мы додумались до того, чтобы сделать своеобразную облицовку, и стали укреплять стены траншей, выкладывая в ряд молодые деревья. Этот способ оказался вполне подходящим. Но очень скоро в округе не осталось ни одной сосны, и метод перестал быть эффективным.

Состав нашего отряда был многонационален. Украинцы строили бункеры. Другой смешанный отряд состоял из латвийских ээсовцев, венгров и захваченных в плен итальянцев — бывших зенитчиков. Все мы были задействованы в строительстве оборонительных сооружений против русских. Тогда мы были совсем еще маль-

чишками, и было трудно, но теперь я понимаю, что опыт тех дней позднее помог мне справиться с трудностями и выжить в непростых ситуациях. Детство закончилось быстро, и я рано усвоил, что значит преодолевать трудности и уметь приспосабливаться.

Мне был дан еще один шанс. Иногда мне кажется, что судьба порой водила меня по остирию бритвы, как бы раздумывая, оставить меня жить или нет.

Меня воспитали нацисты. Вместе с остальными жителями Восточной Пруссии я стал одним из них. Переход к нацистскому режиму произошел постепенно. В основной своей массе люди недолго любили партийное руководство по многим причинам. Эта антипатия повлекла за собой бесконечную череду шуток и слухов с негативным оттенком.

Навряд ли кто-нибудь знал тогда, что штабы Гитлера находятся совсем недалеко от Растенбурга в Восточной Пруссии. После событий, произошедших 20 июля 1944 года, его резиденция перестала быть засекреченной. Новости о покушении на убийство разлетелись моментально.

Женщины, дети и люди старшего возраста были сильно обеспокоены вторжением русских на немецкую территорию. Но мы гордились «чудесным оружием», которое было у немцев. Мы не сомневались, что наша работа по сооружению укреплений была совершенно ни к чему. Мы верили, что нашу страну ничто не в силах сломить, и в душе не сомневались, что русские никогда не приблизятся к тихому городку, находящемуся на западе Восточной Пруссии.

СИТУАЦИЯ УСЛОЖНЯЕТСЯ

После неудавшейся попытки покушения на жизнь Гитлера он пожелал знать, что за чудесное провидение поспособствовало ему избежать смерти. Пытаясь убрать ненавистного вождя, полковник Штауфенберг пронес бомбу в его штаб.

Но похоже, обстоятельства складывались в пользу Гитлера. В день покушения в его бункере был запланирован ремонт, и потому он временно перебрался в другое здание. Взрывная волна разрушила легкий деревянный барак. Несколько офицеров погибли, но сам фюрер получил незначительные ранения. Мощная волна всего лишь подбросила дубовый стол, над которым он склонился в тот момент.

Люди не любили гитлеровских офицеров. Фашистский гаулейтер Эрих Кох, один из самых продажных чиновников рейха, присваивал ценности расстрелянных в 1935 году противников режима. Занимая свой пост, он сумел вволю воспользоваться своей природной жадностью. Бывший железнодорожник, он компенсировал отсутствие опыта тем, что обладал способностью хорошо говорить, а также претенциозными манерами. За время своей деятельности он снял нескольких хороших руководителей, поставив на их места полнейших дилетантов. Даже люди с криминальным прошлым были повышены в должностях. И единственным объяснением их назначения было то, что они заискивали и пресмыкались перед ним. Этот поступок явился фактическим предательством людского доверия. Назначенные подобным образом чиновники были просто не способны справиться с проблемами, возникавшими в ходе непредвиденных ситуаций.

Вскоре этот провал стал очевиден. В августе 1944 года столицу Восточной Пруссии Кенигсберг атаковали сразу двести британских бомбардировщиков, вслед за которыми последовала атака еще шестисот самолетов. Большая часть города была разрушена, 35 000 мирных жителей убиты, а еще 150 000 покинули свои дома. В несколько районов Восточной Германии вошли русские танки. Газеты пестрели тревожными статьями, в которых говорилось об убийствах и кровопролитии.

Размышляя, я понимал, с какими огромными трудностями нам предстоит столкнуться. Но в то же время я был измотан своей тяжелой работой, до сих пор продолжая рыть окопы.

Еще сложнее нам с ребятами стало с приходом холодов и дождей. О складывающейся ситуации нас вкратце информировали. Не оставалось сомнений, что нас ждет неумолимое наступление русских. Похоже, это было неизбежным; нам придется отбиваться до последнего.

Русские численно превосходили немецкие войска. В Восточной Пруссии это соотношение составляло один к десяти. Вера в нашу непобедимость ослабевала с каждым днем, и нас собрали в классной комнате для проведения инструктажа. Нашим учителем был майор, только что уволившийся из армии из-за ранений. Стоя перед классом, он готовился описать ситуацию, все как есть в действительности. Когда он заговорил, воцарилась тишина. Я чувствовал, как мой пульс начал учащенно биться в ожидании услышанного.

— Русские начинают наступление, — произнес он. — Они имеют значительное преимущество по численности, а также по оружию. — Он сделал паузу, хотя никто не прерывал его. — Русские, — продолжил он, — постепенно продвигаются. Наши солдаты бьются не на жизнь, а на смерть в этой войне. Давайте надеяться, что все закончится благополучно.

Глядя в окно, а не на нас, старый солдат, казалось, говорил эти слова самому себе.

— Ситуация очень серьезная, и я боюсь, как бы это не было началом конца. Но будем бороться.

Он пытался взбодрить нас, привнести оптимизм в наше хмурое настроение. Мое сердце ныло, предчувствуя беду.

Глава 2

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Слова майора звучали у меня в ушах, даже когда мы закончили свою работу и нас распустили по домам. Происходившее вокруг подтверждало то, о чем он говорил. С начала осени много беженцев двигалось на запад. Эти же люди раньше бежали на восток, ища спасения от бомбежек, проводимых американцами и англичанами. Сейчас они возвращались на запад Германии, так как русские наступали с противоположной стороны. В основном бежали женщины и дети, и этот поток увеличился день ото дня.

Когда новости с передовой стали носить все более зловещий характер, наша семья и некоторые работники прекратили работу. Неожиданно повалил снег, а так как до этого стояла сырая погода, то лошади еще не были подкованы. Молочный фургон, ежедневно развозивший молоко с нашей и с соседних ферм деревни в город, внезапно прекратил свои поездки. Предполагая, что причиной этому послужил выпавший снег, мы с братом стали возить молоко на маслобойню на санях. Там-то мы и увидели солдат в камуфляжной форме с пулеметными лентами и ручными гранатами. При въезде в город стоял огромный танк. Увидев отлично экипированных военных, мое бешенство сменилось чувством спокойствия; солдаты были хорошо подготовлены, и казалось, победа будет за нами.

Не успели мы с братом вернуться домой, как отец дал нам другую работу. Я пошел к кузнецу, чтобы попросить его подковать лошадей, но оказалось, что он болен.

— Я не могу, потому что заболел, — ответил он на мою просьбу.

— А помощник? Где помощник? — поинтересовался я.

— Он не пришел на работу сегодня, — ответил мастер, покачав головой.

Я возвратился домой ни с чем. Отец становился все более раздраженным. Он решил, что нужно сесть на лошадь и поехать домой к помощнику кузнеца, который жил вместе со своими родителями в двух милях от нашей деревни. Это задание отец поручил мне.

ДОМА ПУСТЕЮТ

Я скакал по проселочной тропинке, а затем вдоль дороги, где стоял казавшийся бесконечным поезд с беженцами. Около дома помощника я спрыгнул с лошади, привязал ее и негромко постучал в дверь. Ответа не последовало. Тогда я стукнул сильнее и снова остался без ответа. В конце концов я забарабанил в дверь что было мочи. Все без изменений. Затем я увидел, что дверь не заперта. Это показалось мне странным, и я тихонько вошел. Оглянувшись по сторонам, я никого не заметил; никого не было дома.

Выйдя на улицу, я постучался в несколько соседних домов. Результат был тот же. Никого не оказалось дома. На заднем дворе одного из домов я увидел лужу крови. Я остановился как вкопанный. И тут все стало понятно: жители этих домов в спешке резали свиней и покидали свои жилища. Ближайший дом помещика также стоял брошенным. Когда я медленно проходил по пустым комнатам, то не слышал ничего, кроме звука собственных шагов. Неприятное чувство заставило меня поспешить на улицу.

Я услышал мычание коров, доносившееся из стойла. Очевидно, их разбудил стук копыт моей лошади. «Коровы остались здесь? — задал я вопрос самому себе. — Логично, что убежавшие люди должны были уводить с собой скотину». Жалобное мычание продолжалось; животные просили есть. «Может, их покормить? — мелькнуло у меня в голове. — Нет, лучше ехать домой».

Я решил скакать без дороги через поля, чтобы быстрее добраться до места. Все время я оглядывался, не наблюдает ли за мной кто-нибудь. Но, увидев нетронутую ровную поверхность снежного поля, я успокоился, поняв, что после меня здесь никто не проезжал.

Дома все в спешке упаковывали вещи. Здесь царил полный беспорядок. Ковры, столовое серебро, посуда, картины и еда — все было подготовлено к отправке. По команде моего отца все в доме собирали пакеты и тюки.

Отец очень огорчился, когда я рассказал о своей поездке. Это означало, что лошади остаются неподкованными, а значит, наш отъезд переносится на неопределенное время из-за того, что на дорогах сильная гололедица.

Телефон не смолкал. Либо мы звонили соседям, либо они спрашивали нашего совета, либо возникали другие вопросы. В военных новостях сообщалось о том, что русские войска уже у Остероде, который находился всего лишь в шестидесяти километрах от нас. Но эта информация дошла до нас сутки назад, а это значило, что теперь они, скорее всего, были еще ближе. А может, они все же отступили тем временем? Может быть, у нас все-таки есть шанс? На эти вопросы мы жаждали знать ответ — от него зависели наши жизни.

ВЗРЫВЫ И ПОЖАР

С наступлением сумерек мы услышали взрывы вдалеке и подумали, что, возможно, это отступают наши. Беженцы, приехавшие на нашу ферму, собрав наспех свои пожитки, просили ночлега. Взрывы продолжали